

А.П. Алексеенко

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Право и государство в трудах Н.А. Бердяева

В статье рассмотрены политико-правовые взгляды философа Н.А. Бердяева. Особое внимание уделено теории возникновения государства, форме правления и политическому режиму. Анализируется представление Н.А. Бердяева о правах и обязанностях человека, даётся оценка его актуальности на современном этапе развития общества.

Ключевые слова и словосочетания: Николай Бердяев, теория возникновения государства, аристократия, права человека, демократия, монархия, теория насилия.

A.P. Alekseenko

Vladivostok State University Economics and Service
Vladivostok. Russia

Law and the State in the writings of N.A. Berdyaev

The law and political ideas of the philosopher N.A. Berdyaev are examined in the paper. The main attention is paid to the theory of the state, form of government and political regime. The author makes analysis of the Berdyaev's conception of the human rights and obligations as well estimates its significance to the modern society.

Keywords: Nikolay Berdyaev, the theory of the state, aristocracy, human rights, democracy, monarchy, the theory of violence.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) был одним из авторитетных участников русского религиозного возрождения начала века, инициатором создания Академии духовной культуры (1918–1922). В 1922 г. был выслан из РСФСР, жил во Франции, издавал журнал «Путь» (1925–1940). Политико-правовые идеи Н.А. Бердяева представляют собой оригинальное видение прав человека, понятие которых особенно важно в последнее время в связи с требованиями политического характера различных меньшинств.

В своей работе «Философия неравенства» Н.А. Бердяев детально раскрывает взгляды на происхождение государства и власти, зачастую говоря о государственной власти. Он считает, что «все государства родились в кровавых насилиях. Первый властитель был величайшим насильником. Поистине, ветхозаветно благостны и праведны были эти насилия, и никогда без них не поднялись бы мы из тьмы и

хаоса до человеческого космического состояния. Без этих священных насилий род человеческий утонул бы в зверином хаосе у самых истоков своей истории» [3. С. 60]. В своей работе философ утверждает, что только насилие способно породить государство, однако оно не является «злом» для человечества, а, наоборот, помогает ему выбраться из хаоса, где царит война всех против всех. При этом Бердяев, как видно из изложенного выше, убежден, что насилие священо и санкционировано Богом, который таким образом пытается уберечь человечество.

Бердяев также приходит к мысли, что нечто необъяснимое заставляет людей принять государство на подсознательном уровне, следовательно, они подчиняются государству не потому, что боятся его насилия над собой, но в связи с тем, что попали под его «гипноз». Как отмечает философ, «в государстве есть мистическая основа, и эта мистическая основа должна была бы быть признана и с позитивной точки зрения, как предельный факт, не поддающийся объяснению. ... Никакие рассудочные рациональные мотивы не могут заставить массы подчиниться государству и нести для него жертвы. Это не может быть оправдано никакими интересами. Покорность масс всякой государственной власти есть всегда безумие, есть состояние гипноза, есть трепетание народа перед реальностями, превышающими эмпирическую жизнь людей» [Там же. С. 52–53].

Итак, Н.А. Бердяев уверен, что государство порождается насилием, а люди подчиняются государству под давлением «безумия», которое не может быть объяснено. Данный момент можно назвать спорным, так как подчиняться, следуя логике философа, человека заставляет именно насилие, а точнее, страх перед ним. В то же время «грешное человечество», как отмечает Бердяев, – «не может жить вне государства» [Там же. С. 55]. При этом «государство есть соединяющая, упорядочивающая и организующая онтологическая сила, преломленная во тьме и грехе. Принуждающая и насилующая природа государства сама по себе не есть зло, но она связана со злом, есть следствие зла и реакция на зло. Принуждение и насилие может быть добром, действующим в злой и темной стихии» [там же. С. 55].

Философ также критикует договорную теорию возникновения государства, доказывая ее несостоятельность, отмечая, что «в основе этой теории лежало прекраснородушно-оптимистическое представление о безгрешности и доброте естественного человека – предположение, прямо противоположное всему, чему учат и религия и наука. В теории этой были разложены все органические единства, общество человеческое было атомизировано, и воссоздание общества и государства поставлено в зависимость от механической суммы атомов. Не только общество и государство в этой теории потеряли органическую целостность, но и человек перестал быть органической индивидуальностью, всегда неповторимой в своем своеобразии и своей судьбе, превратился в атом» [Там же. С. 57].

Бердяев не считал, что государство всегда имеет положительное значение для человека, он допускал, что возможны ситуации, когда государство утрачивает свою суть, а принуждение, исходящее от него, перестает быть упорядочивающим и теряет свою суть, как средство борьбы с хаосом. Согласно мнению философа, государство существует вне времени и независимо от того или иного поколения

людей, живущих в конкретное время. Так, «государство не может определяться никаким человеческим поколением. Государство поддерживает реальную связь времен в жизни народов, и потому оно не может стоять в такой зависимости от времени, какой хотят те, которые отдают его временному потоку. Государство не может быть создано и не может быть разрушено никаким человеческим поколением. Оно не является собственностью людей, живущих в каком-либо периоде истории. В этом смысле государство имеет сверхвременную и сверхэмпирическую природу» [Там же. С. 53]. Очевидно, этим философ хотел сказать, что государство как явление, а не как конкретная страна, возникнув, уже не может быть людьми уничтожено в силу своей мистичности. Данное утверждение философа подкрепляется его идеями о том, что вне государства человек не может жить и что государство – божественный миропорядок, дарованный нам, но не созданный нами. Примечательно, что Н.А. Бердяев совсем не уделяет внимание функциям государства, которые активно изучают многие исследователи [8], считая, что у государства есть только цель и атрибуты.

Бердяев приводит свое определение государства, называя его признаки, которые не имеют ничего общего с укоренившимся в юриспруденции определением государства как властно-политической организации, обладающей суверенитетом, специальным аппаратом управления и принуждения, территорией и населением. Философ считает, что «государство есть объективная природная и историческая реальность, которая не может быть ни создаваема, ни разрушаема по человеческому произволу» [4. С. 59].

Таким образом, государство, по Бердяеву, некая мистическая реальность, которая посредством насилия и «гипноза» заставляет людей подчиняться себе и тем самым спасает их от хаоса, при этом такая реальность от людей независима.

О том, как возникла власть, Н.А. Бердяев рассуждает с позиций креационизма, сочетая их с теорией насилия. Он говорит, что «власть государственная имеет религиозную первооснову и религиозный исток. Власть имеет онтологическую основу, и она восходит к первоисточнику всего, что имеет онтологическую реальность. Онтология власти исходит от Бога. Это поведал всему христианскому миру гений апостола Павла: «всякая власть от Бога» ... «начальствующий носит меч не напрасно» [3. С. 54]. Бердяев также отмечает, что «власть никогда не была и никогда не может быть организацией человеческих интересов, организацией господства каких-либо интересов или равнодействующих интересов. Власть всегда есть проникновение какого-то таинственного начала в человеческие отношения, исходящего от Бога или от дьявола» [Там же. С. 52]. В то же время Н.А. Бердяев вступает в противоречие сам с собой, допуская возможность происхождения от дьявола и в то же время утверждая в дальнейшем тексте своей работы, что власть имеет источником Бога. Однако это противоречие он пытается снять, введя возможность наличия сочетания божественной власти с властью человека, которая, в отличие от первой, ведет к греху.

В работе «О рабстве и свободе человека» Н.А. Бердяев также называет такой признак государственной власти, как атрибут войны. Он пишет, что «власть

государства всегда окружена символами войны, войсками, знаменами и орденами, военной музыкой. Монархи всегда были военными, ходили в военной форме, появлялись окруженные своей гвардией. ... Символика власти всегда военная, власть всегда готова прибегнуть к силе для поддержания своего престижа. Если власть не ведет войны с внешними врагами, то она всегда готовится к этой войне и она всегда наготове для войны с врагом внутренним. Государство тратит чудовищные средства на вооружения, и это истощает его финансы и тяжелым бременем ложится на народ. Закон жизни национальных государств: человек человеку волк. В организованных цивилизованных государствах люди более всего тратят сил на подготовку коллективного убийства и более всего жертв несут для этой нечеловеческой цели» [2. С. 130].

Между тем, Бердяев не допускает полного давления власти государства на людей, считая, что такая власть должна все же быть ограничена. «Источник ограничения власти государственной – чисто религиозный, духовный. В первооснове своей это не есть ограничение государства обществом и общественными группами, требующими тех или иных конституционных гарантий, это есть, прежде всего, ограничение государства церковью и душой человеческой» [3. С. 66]. Это означает, что только божественное начало может быть основанием для того, чтобы не допустить произвола государства. Кроме того, Н.А. Бердяев подвергает сомнению и критикует теорию суверенитета государства. Согласно ему, «великая опасность заключается не в самой идее государства, исполняющего необходимые функции, а в идее суверенитета государства, суверенитета теократии, монархии, аристократии, демократии, коммунизма. Идея суверенитета во всех формах есть рабство человека» [2. С. 122].

Государство, как и власть, согласно Н.А. Бердяеву, возникли в результате опирающегося на военную мощь насилия, но истоком своим имеют некую необъяснимую первооснову, которой присущ божественный характер и которая подчиняет людей себе посредством некоего иррационального воздействия.

Идеи Н.А. Бердяева о форме государства, прежде всего, отражены в работе «Философия неравенства». В ней он останавливается на таких понятиях, как форма правления и политический режим, однако не различая их.

Бердяев считает, что «происхождение власти – монархическое, а не демократическое, она возникла из почитания героя... В суровой борьбе и войне образовалась раса правителей, происходил подбор лучших, укреплялась аристократия власти. В жизни человеческих обществ, в историческом процессе раса имеет огромное значение. Без образования расы лучших и сильнейших, расы царственной, мир человеческий никогда не вышел бы из темного нерасчлененного хаоса» [3. С. 57–59].

Как отмечают исследователи, Бердяев «ненавидел демократию, настолько он благоговел перед аристократией, а вместе с ней и перед монархией и вообще единоличным правлением» [11]. Монархию и аристократию философ отождествляет. Он считает, что «аристократическая идея требует реального господства лучших, демократия – формального господства всех. Аристократия, как управление и господство лучших, как требование качественного подбора, остается на веки веков

высшим принципом общественной жизни, единственной достойной человека утопией» [3. С. 102]. При этом «аристократия есть порода, имеющая онтологическую основу, обладающая собственными, незаимствованными чертами. Аристократия сотворена Богом и от Бога получила свои качества. Свержение исторической аристократии ведет к установлению другой аристократии. Аристократией претендует быть буржуазия, представители капитала и пролетариат, представители труда. Аристократические претензии пролетариата даже превосходят претензии всех других классов, ибо пролетариат, по учению его идеологов, должен сознавать себя классом избранным, классом – мессией, единственным подлинным человечеством и высшей расой. Но всякое желание выйти в аристократию, возвыситься до аристократии из состояния низшего, по существу не аристократично» [Там же. С. 105]. Данной идеей философ обосновывает бессмысленность революций, доказывая, что они безнравственны и нецелесообразны, так как аристократия от Бога. «Всякий жизненный строй – иерархичен и имеет свою аристократию, не иерархична лишь куча мусора и лишь в ней не выделяются никакие аристократические качества. Если нарушена истинная иерархия и истреблена истинная аристократия, то являются ложные иерархии и образуется ложная аристократия. Кучка мошенников и убийц из отбросов общества может образовать новую лжеаристократию и представить иерархическое начало в строе общества» [Там же. С. 105].

Исходя из такого отношения Бердяева к аристократии, можно утверждать, что он придерживается такой позиции, что есть люди, призвание которых править, они лучшие, они не стремятся захватить власть, так как она им уже дарована Богом. Данный вывод представляется спорным, особенно ввиду присущих российскому бюрократическому аппарату, как утверждают некоторые исследователи, таких черт, как некомпетентность, коррупционность и злоупотребление полномочиями [7. С. 61].

Демократию Н.А. Бердяев подвергает сильнейшей критике, отождествляя ее при этом с парламентаризмом. Философ считает, что демократия закабальет человека сильнее, чем это возможно при аристократии. Так, «демократия, с одной стороны, означает суверенность народа, господство большого числа, и в этом смысле она скорее неблагоприятна для личности и свободы» [2. С. 174]. Бердяев считает, что «нет более горькой и унижительной зависимости, чем зависимость от воли человеческой, от произвола равных себе. Можно подчинить себя воле высшей, высшей правде, высшим началам, можно ограничить себя и отречься от себя во имя этих начал» [3. С. 145]. Обосновывает свою идею философ тем, что «воля одного и воля немногих не может так далеко простирает свои притязания, как воля всех. От воли самодержца можно еще охранить часть своего существования, но несоизмеримо труднее его охранить от воли самодержавного народа. Демократия в крайнем своем выражении не хочет допустить прав частной жизни, она имеет тенденцию превратить всю человеческую жизнь в публичную. Трудно, очень трудно укрыться от всепроникающей и безграничной в своих притязаниях демократии. Она вторгается в наши жилища, проникает в наши мысли и чувства. Она хочет сделать человека существом исключительно общественным. Стиль жизни демократических обществ все и вся приводит к единообразию. Стиль этот

не терпит уединения и уединенных, он не оставляет места и времени для созерцания, он враждебен избыточному творчеству немногих» [3. С. 143].

Философ утверждает, что подчиняться можно только Богу или только тому, кто встал на путь Божий и одарен Им – аристократам. Кроме того, Бердяев считает, что получив власть, тот, кто для нее не создан, будет учинять произвол. Так, «народная воля может захотеть самого страшного зла, и демократический принцип ничего не может возразить против этого. В демократическом принципе нет никаких гарантий того, что осуществление его не понизит качественный уровень человеческой жизни и не истребит величайшие ценности. В отвлеченной идее демократии есть величайшее презрение к качествам человека и народа, к духовному их уровню» [Там же. С. 134].

Демократия – это показатель большинства, а не качества. Власть, по Бердяеву, должна быть качественной, можно сказать, профессиональной и нравственной. «В ваших демократиях, – пишет Бердяев, обращаясь к своим идеологическим противникам, – господствует человеческое количество». В основу демократии не была положена воля к повышению жизни, к качеству и ценности. Никаких новых ценностей сама демократия из себя не создает и не может создать. Она строится вне всякой мысли о ценности и содержании жизни. И всеуравняющая демократическая эпоха человеческой истории есть понижение качественного, ценностного содержания жизни, понижение типа человека. Демократия не имела интереса к воспитанию высокого человеческого типа, и потому она бессильна создать лучшую жизнь. Более того, демократия не способна ничего создать, так как она сама по себе, в силу своего появления ничего хорошего не несет, а лишь говорит о глубоких противоречиях в обществе. «Демократия есть уже выхождение из органического состояния, распадение единства народа, раздор в нем. Демократия по существу механична, она говорит о том, что народа как целостного организма уже нет. Демократия есть нездоровое состояние народа» [Там же. С. 137].

Особой критике у Бердяева подвергается отдельно выделяемая им социал-демократия, он ее считает закабалением и хаосом, которые одинаково опасны для человека. Так, «социал-демократия отрицает существование народа как реального единства, она разлагает его на классы и группы с противоположными психиками и интересами, и для нее не существует воли народной, нет суверенного начала. Выше воли народа стоит воля пролетариата, на который переносятся все те божественные атрибуты, которые демократическая метафизика приписывала народу» [Там же. С. 136]. При этом философ не отождествляет предложенную им иерархичность и деление на классы. Деление на классы, по его мнению, искусственно и неиерархично. Иерархия людей дается Богом, а не придумывается человеком.

Критикуя демократию и преклоняясь перед аристократией, Н.А. Бердяев, предлагает свое видение идеальной формы правления, которую, однако, сложно назвать таковой, если исходить из положений теории государства и права. Бердяев различал два порядка: благодатный и природный, воплощение первого из которых возможно путем воссоединения с Богом, а природный – это государство [10. С. 240]. Философ уверен, что лучшим для людей является Царство Божье,

которому должны уступить место и государство, и хозяйство, и культура, и весь мир [3. С. 242]. При этом «Царство Божье неприметно, Царство Божье не от мира сего. Царство Божье есть совершенное преображение мира. Христианское общение не может быть внешней материальной теократией. Христианская общественность есть таинственное общение в духе, в любви Христовой» [Там же. С. 237]. Философ утверждает, что Царство Божье не имеет ничего общего с теократией, которая хотя и лучше демократии, но искажает Божий замысел. По мнению Бердяева, «в Царстве Божьем нет никаких коллективов, в нем есть только личности, оно все состоит из личностей разных иерархических ступеней» [Там же. С. 237]. Можно отметить, что, фиксируя определенную духовную установку, находящую отклик в душе человека со сходным жизненным и духовным опытом, мыслитель, не принимая рационалистическое философствование, сам не стремится к системному обоснованию своей точки зрения. Как отмечалось, отдельные фрагменты его работ сближаются с богословскими текстами [1. С. 213].

Очень кратко Н.А. Бердяев касается в своих трудах формы государственного устройства. Он не выдвигает идей о том, какое государственное устройство лучшее, однако подвергает критике федерализм и возможность существования автономий, называя их причиной бед для государства [3. С. 87]. Н.А. Бердяев видит своим идеалом совместной жизни людей – Царство Божье, а пока оно не достигнуто, в силу греховности людей, лучшая форма правления – монархия. Политический режим в государстве должен быть аристократическим, так как только аристократы обладают лучшими качествами. Демократия, в свою очередь, это порождение болезни общества, она лишает человека личности и подчиняет власти большинства, а не лучших.

В работе «О рабстве и свободе человека» Н.А. Бердяев излагает свои идеи на счет прав человека. Философ считает, что люди делятся на три категории: господ, рабов и свободных. При этом «господин и раб коррелятивны, они не могут существовать друг без друга. Свободный же существует сам по себе» [2. С. 51]. Господин и раб не обладают качествами свободного человека, они – греховны и пользуются своими политическими свободами, чтобы ущемить друг друга, а не для самосовершенствования.

Из названного выше философ приходит к выводу, что политические свободы человека не есть свобода. Так, «рабочий, то есть человек, лишенный орудий производства и принужденный продавать свой труд, чтобы не умереть с голоду, формально свободен, его никто не принуждает, он имеет даже политические права, одинаковые с капиталистами, он участвует в избрании парламента. Но реально свобода его означает, что ему вполне предоставляется свобода умереть с голоду, если он эту участь предпочтет тяжелым и унижительным формам фабричного труда. Свобода труда понимается как свобода продавать свой труд в качестве товара. Эта свобода осуществляется под страшной угрозой невозможности дальше жить» [5. С. 57].

Отдельной критике Бердяев подвергает всеобщее избирательное право, которое у него вызывает «величайшие сомнения». Философ считает, что «всеобщее

избирательное право не знает конкретных людей, с их разнокачественностью, с их различным весом, оно исключительно имеет дело с отвлеченными людьми, с атомами и математическими точками. Оно не знает и органических социальных групп. Всеобщее избирательное право есть отвлечение от качественного содержания жизни, оно не хочет знать никакого качественного подбора. Откуда же взялась уверенность, что таким путем можно получить общество высокого качества? Это – гипноз идеи равенства» [З. С. 139]. Следует признать, что данная позиция до сих пор актуальна среди ряда авторов и применяется на практике в некоторых государствах.

Интересную идею высказал Н.А. Бердяев о соотношении свободы и равенства. Критикуя лозунг Французской революции, он приходит к мысли, что свобода не может сочетаться с равенством: *«свобода есть прежде всего право на неравенство. Равенство есть, прежде всего, посягательство на свободу, ограничение свободы. Свобода живого существа, а не математической точки, осуществляется в качественном различении, в возвышении, в праве увеличивать объем и ценность своей жизни. Свобода связана с качественным содержанием жизни. Равенство же направлено против всякого качественного различия и качественного содержания жизни, против всякого права на возвышение»* [Там же. С. 125].

В совокупности с идеями Бердяева об аристократии можно сделать вывод, что он ратует за наличие избирательного права только у аристократов, которые качественно выше всех остальных и свободны от страхов господ и рабов. Равенство же политических прав не может положительно отразиться на жизни людей, так как лица низкого качества начнут использовать свое большинство, чтобы добиться власти, свергнув мир в хаос.

Н.А. Бердяев определяет свободу человека как долг, долг не быть господином или рабом. *«Человек должен быть свободным. Этого требует и ждет от него Бог. Человек должен взять на себя тяготу свободы, как совершеннолетний. Центр тяжести тут переносится с гражданина на человека. Понятие гражданина вторичное и подчиненное, оно принадлежит политическому обществу, которое прикрывает реальности и за которым не так легко обнаружить реальности. Понятие же человека принадлежит духовному плану. Человек есть прежде всего духовное, а не политическое существо, и его безусловные и неотъемлемые права коренятся в духовном мире, а не в изменчивом, непрочном, преходящем гражданско-политическом мире»* [5. С. 71]. Философ приходит к выводу о наличии у человека данных Богом прав, однако эти права он не считает естественными и подвергает критике теорию естественных прав.

Бердяев утверждает, что *«естественное право пытались обосновать идеалистически. Но учение об естественном праве связано с верой в «естественное состояние». Естественное право противопоставляется историческому праву, как естественное состояние противопоставляется историческому состоянию, исторической действительности... Неотъемлемые и священные права человека не могут быть названы «естественными» его правами, правами «естественного состояния». И напрасно вы идеализируете природу человека, напрасно вы хотите опереться*

на нее в стремлении к лучшей жизни. «Исторический» человек все же лучше «естественного» человека, и расковывание человека «естественного» порождает лишь зло... Неотъемлемые и священные права имеет человек не как «естественное» существо, а как существо духовное, его благодатно-возрожденная, усыновленная Богу природа» [3. С. 129]. Он также отмечает, что «человек по «естеству» своему не добр и не безгрешен. Все «естество» во зле лежит. В «естественном» порядке, в «естественном» существовании царит вражда и суровая борьба... Нет никакого «естественного» состояния, нет никакого «естественного» права, нет и быть не может никакой «естественной» гармонии» [Там же. С. 130].

Важную мысль высказал философ о соотношении прав и обязанностей. «Требования прав без сознания обязанностей толкало на путь борьбы человеческих интересов и страстей, состязание взаимоисключающих притязаний. Права человека предполагают обязанность уважать эти права. В осуществлении прав человека самое важное не собственные правовые притязания, а уважение к правам другого, почитание в каждом человеческого образа, т. е. обязанности человека к человеку и человека к Богу. Обязанности человека глубже прав человека, они и обосновывают права человека. Право вытекает из обязанности» [Там же. С. 123].

Таким образом, у Бердяева субъективная обязанность уважать права порождает субъективное право. Только в том случае, если лицо сознает свою обязанность перед другими, он может притязать на осуществление его субъективного права. Политические права – причина раздора в обществе, они не соответствуют действительности и поэтому не должны быть применимы, особенно, если речь идет об управлении государством.

Отталкиваясь от сущности человеческой природы, Бердяев переходит к рассмотрению того, что такое закон и право в его позитивном значении. Он пишет, что «свободу и права человека гарантируют лишь начала, имеющие сверхчеловеческую природу, возвышающиеся над человеческим произволом» [Там же. С. 145]. Данную идею можно истолковать как наличие у права божественного происхождения.

Авторское определение права Бердяева таково: «Право есть принудительное начало, защищающее и охраняющее человеческую свободу. Оно делает возможным сожителство и общение людей и в том случае, когда люди грешны и злы, когда они насильники и корыстолюбцы» [Там же. С. 161]. Ни о каких нормах, их формальной определенности автор не говорит, его право от Бога, оно, так же как и государство иррационально. Право имеет свою цель – охрану свободы, свободы как обязанности. Данный подход к праву проявляется и в работах современных исследователей, которые отмечают, что «право возникло одновременно с государством и, по всей видимости, вместе с ним и отомрет» [6. С. 65].

Законы, согласно Бердяеву, представляют собой лишь инструмент, который позволяет праву ограничивать зло. Главная же проблема закона, нормативной морали заключается в том, что она может служить лишь внешней реакцией на зло, она может ограничивать его, смягчать его последствия, но не способна к полному устранению его [9. С. 32]. Понимание закона как инструмента привело Бердяева к отвержению правового государства и нормативистских воззрений на право его

современников. Философ писал, что «конституции можно устраивать согласно требованиям исторического дня, но верить в них бессмысленно. Вера должна быть направлена на предметы более достойные. Делать себе кумира из правового государства недостойно. В этом есть какая-то ограниченность» [3. С. 131]. Такая идея Бердяева сближает его со сторонниками социологической и исторической школ права.

Отдельно в своем труде «О рабстве и свободе человека» Н.А. Бердяев останавливается на соотношении преступления и наказания, рассуждая о смертной казни. Он является противником высшей меры наказания и достаточно аргументированно отстаивает свою позицию, исходя из того, что человек принадлежит Богу, а уже потом государству. По мнению философа, «никакой человек не может быть воплощением и персонификацией зла, зло в нем всегда частично. Поэтому ни о ком не может быть окончательного суда. Это ставит границы и самому принципу наказания. Человек может совершить преступление, но человек как целостная личность не может быть преступником, с ним нельзя обращаться как с воплощением преступления, он остается личностью, в нем есть образ Божий. И личность, совершившая преступление, не принадлежит целиком и окончательно государству и обществу. Личность есть гражданин царства Божьего, а не царства кесаря, и суждения и осуждения царства кесаря по отношению к ней частичны и не окончательны. Поэтому персонализм решительно и радикально против смертной казни» [2. С. 49–50].

Таким образом, по мнению Н.А. Бердяева, право имеет божественное основание, оно имеет цель – защитить Богом данные права, которые появляются у лица лишь тогда, когда оно осознает свои обязанности. Закон – то, посредством чего право ограничивает зло. Политические права философ отвергает, считает их искусственными и вредными.

Представляется, что в современном обществе взгляды Н.А. Бердяева вряд ли встретят широкую поддержку. Между тем, его идея о том, что лицо обладает правами только тогда, когда оно осознаёт и признаёт свои обязанности, заслуживает особого внимания. Актуальность этому придаёт разразившийся общественно-политический кризис в Европе из-за наплыва мигрантов, многие из которых пользуются правами, но отвергают обязанности.

-
1. Александров, В.Б. Русская философия XX века об истоках власти, государства и права / В.Б. Александров // Управленческое консультирование. – 2011. – № 2. – С. 211–220
 2. Бердяев, Н.А. О рабстве и свободе человека / Н.А. Бердяев. – Paris: YMCA-Press, 1939. – 222 с.
 3. Бердяев, Н.А. Философия неравенства письма к недругам по социальной философии / Н.А. Бердяев. – Берлин: Обелискъ, 1923. – 246 с.
 4. Бердяев, Н.А. Философия свободы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/filosofia_svobodii#6 (дата обращения 11.01.2016).

5. Бердяев, Н.А. Христианство и классовая борьба / Н.А. Бердяев. – Paris: YMCA-Press, 1931. – 139 с.
6. Гуманитарные проблемы современности: человек и общество / Н.А. Иванова, Т.П. Иванова, С.Ф. Литвинова и др. / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: СИБПРИНТ, 2012. – Кн. 17. – 215 с.
7. Кравченко, А.Г. Правокультурные аспекты развития российской бюрократической системы / А.Г. Кравченко, А.Ю. Мамычев // Философия права. – 2014. – №3. – С. 60–64.
8. Любашиц, В.Я. Феномен государства: структурно-функциональная методология анализа / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – №2. – С. 63–71.
9. Романовская, В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. / В.Б. Романовская, П.С. Жданов // Мир политики и социологии. – 2013. – №11. – С. 28–35.
10. Сахно, А.А. Теория теократии в трудах Н.А. Бердяева / А.А. Сахно // Сервис в России и за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 239-246.
11. Семёнов, Ю. О русской религиозной философии конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_7.html (дата обращения 11.01.2016).

© Алексеевко, А.П., 2016

Для цитирования: Алексеевко, А.П. Право и государство в трудах Н.А. Бердяева / А.П. Алексеевко // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – № 1. – С. 71–81.

For citation: Alekseenko, A.P. Law and the State in the writings of N.A. Berdyaev // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. – 2016. – № 1. – P. 71–81.

Дата поступления: 29.01.2016.